

Глава

1

— А ты знаешь, что дядя Федя съел медведя? — Тоня плюхнулась на садовые качели и уставилась на меня.

— Какого медведя? — переспросила я, замерев с лейкой в руках.

— А почему ты не интересуешься, какой дядя Федя?

«Скорей бы она уехала, скорей бы она уехала, скорей бы она уехала! Дура! Дура! Дура!»

Про себя я тысячу раз могла назвать ее душой, в лицо — нет.

— А ты знаешь, сколько метров в дециметре?

Тоня и не думала оставлять меня в покое. Она раскачивалась на наших качелях, отгалкиваясь босой пяткой, и мне очень хотелось, чтобы качели рухнули. И не жалко их!

— А ты знаешь, как правильно пишется: «исчо» или «езчо»?

Перегнувшись через спинку качелей, Тоня обрывала оранжевые звездочки календулы и швыряла в кусты. Вот так, между делом, отрывала головы цветам.

— А ты знаешь...

— Женя, иди почитай бабушке! — Меня спасла мама.

Я бросила лейку на дорожке и, хлопая босоножками, помчалась в дом.

Я часто завожу с мамой разговор о Тоне:

— Как хорошо нам жилось без нее. Почему именно мне приходится мучиться? Кто она нам? Совсем никто — дочка твоей подруги. Так пусть тетя Оля ее и воспитывает. Почему все праздники, выходные и каникулы я должна проводить в Тониной компании? Даже в деревне нет от нее спасения!

Мама вздыхает, пожимает плечами и, по моему, сама не знает, почему так сложилось. Ей жалко тетю Олю и Тоню. А еще мама добрая и мудрая. Мне кажется, ее все любят. Я не видела и не слышала, чтобы она с кем-то ругалась. А все соседи улыбаются, если видят маму во дворе или в подъезде. Абсолютно все! Даже хмурый дед

с писклявой собачкой с пятого этажа. И всем хочется маму остановить, поговорить. Как будто ей должно быть интересно, у кого колени хрустят и в каком магазине дешевая гречка. Я ведь знаю, что не интересно, а мама так искренне сочувствует, удивляется, благодарит, радуется, что люди оживают и расправляют плечи. Я так не умею. Даже попробовать не буду. Я не в маму.

— А меня тебе не жалко? — злюсь я каждый раз, когда мама приглашает Тонию в гости. — Ей тринадцать лет, она вполне может посидеть дома самостоятельно!

— У Тони астма, ей нужно бывать на свежем воздухе. Странно было бы не брать ее с собой, когда Оля сутками пропадает на работе. Нет, это здорово — сбегать в деревню. А я вообще каждый раз в детство сбегаяю. К папе. Нельзя жить только своими интересами, Женька. Вот что я хочу сказать.

Мама пытается все разложить по полочкам. Но вот этот упрек в конце меня сильно колет.

— Я бы с удовольствием пожила своими интересами, а то последнее время живу только Тониными.

Мама гладит меня по спине:

— Жень, Тоне сейчас трудно, но она привыкнет, поймет, что никто не собирается ее оби-

жать. Вот посмотришь, она сбросит свою лягушачью шкурку.

— Ага, и станет царевной, — перебиваю я маму. — Скоро мне придется напоминать тебе, кто из нас твоя родная дочь. Слишком уж ты беспокоишься о ней.

Я понимаю, что мои слова обижают маму, которая изо всех сил старается, чтобы всем было хорошо. Но так не бывает, и пока хуже всех мне.

Если честно, мне тоже жалко Тоню. Я знаю, что у нее нет настоящих родителей и вообще — родственников. Только очень дальние, которые не взяли Тоню к себе, когда умерла бабушка. Тоне грозил детский дом. Тетя Оля была всего лишь соседкой, а стала мамой. Когда Тоня особенно старательно изводит меня, я повторяю про себя: «У нее нет настоящей мамы, у нее нет настоящей мамы...» Только жалость не дает мне наполниться ненавистью до краев.

— За что ее можно ненавидеть?! — изумляется мама. — За то, что она умная, красивая, волевая? Женя, тут пахивает обыкновенной завистью. То, что Тоня выставляет колючки, — объяснимо. У нее за плечами такой багаж пережитого, который не каждому взрослому под силу тащить, а она справляется.

— Она презирает меня. Она самоутверждается за мой счет.

— Женя, ты говоришь, как школьный психолог. Перестань заикливаться на Тоне и обратись к себе. У тебя опять футболка задом наперед.

Как это получилось: все Тонино — большое и значимое, все мое — мелкое и нелепое? Я говорю с мамой о своей беде, а она возвращает меня к пустякам. Конечно, можно ни с кем не делиться переживаниями, сидеть в «домике», но я так не умею, страшно там одной ждать волка. Мой домик оказался из соломы, как у Нуф-Нуфа в «Трех поросятах». Приходит волк, дует, и оказывается, что мое убежище держится на честном слове, солома летит по ветру. Вот и приходится прятаться за маму и просить, чтобы она помогла подлатать стены и крышу. А мама тычет меня носом в футболку.

Глава

2

До того как Тоня с ногами влезла в мою жизнь, я не подозревала, что «мой нос на семерых рос, а одной достался». Раньше я простодушно считала себя обыкновенной, вполне симпатичной девочкой. Теперь поняла, как заблуждалась.

— С ума сошла! Слушай ее больше, она от зависти так говорит. Ей плохо, она хочет, чтобы всем плохо было, — успокаивает меня Регина.

Я смотрю на свою лучшую подругу и понимаю, что маленькая курносая Регина с мышинным хвостиком на макушке тоже не устояла бы перед Тоней. Как и я, она бы принялась штудировать медицинские справочники на тему пластической хирургии.

Мама просто отвела меня на консультацию к хирургу, и он, внимательно рассмотрев мой нос, отправил нас к психологу.

— Вот, что и требовалось доказать! — торжественно сказала мама на крыльце поликлиники.

— Это ты про Тонину подлость?

Мама вскинула брови:

— Это я про твой нос. При чем тут Тоня?

— А при том, что именно она советовала мне спать лицом в подушку. В такую, которая гречкой набита! — Я с вызовом посмотрела на маму.

— Жень, не обольщайся. Не такой уж у тебя длинный нос. Так себе нос, прямо скажем. Обыкновенный. А хочешь, вставим в носы по маленькой сережке?

Да, в этом вся мама.

Мы шли через сквер, дышали, и было хорошо, как бывает утром в будний день, — никакой суеты. Одноклассники писали самостоятельную по истории, а я шла за руку с мамой и смотрела на облака. Тогда я поняла, что хочу так идти всегда, мне страшно отцепляться. А как быть тем, у кого нет руки, чтобы держаться всю жизнь?

Мы добрались до кафе, купили какао, мороженое, а мама не удержалась и заказала напо-

леон, потому что в этом кафе «самый вкусный наполеон во Вселенной», так было написано на грифельной доске при входе.

— Это правда? — спросила мама девушку-официантку, кивнув на доску.

— Чистая правда! Мы ведь сами готовим. Вам повезло! — Она прижала свой блокнотик к клетчатой рубашке.

— Отлично! — улыбнулась мама.

А потом шеф-повар лично принес маме десерт. Шеф был в форменной поварской куртке, высоком колпаке, как в мультфильме «Рататуй», а по обе стороны от белоснежного колпака торчали уши, красные, как мамина сумка. Если бы не форма и колпак, я бы подумала, что шеф учится классе в девятом ну или в десятом.

— Боже! — воскликнула мама. — Это не наполеон!

Автор десерта поставил тарелку на стеклянный стол и замер. И я замерла, потому что мама никогда никого не ругала.

— Это наполеон, — пробормотал шеф.

— Нет! Это поэма! Он прекрасен! Совершенен! Буду пробовать. — Мама отломилла кусочек блестящей вилкой, отправила в рот и зажмурилась.

Я огляделась: девушка-официантка, шеф и посетители за соседним столиком улыбались. А я почувствовала, что мой «домик» из соломы стал прочнее, потому что в тот момент в мире было все очень хорошо.

